

Станислав Аскольдович ПАТЛАСОВ —
старший научный сотрудник кафедры культурологии
Тюменского государственного института
искусств и культуры
кандидат философских наук, доцент

УДК 130.2

ПОДЛИННОСТЬ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу культурных оснований западной цивилизации — жизненным стратегиям, специфика которых определяет способ жизни западного типа человека. Автор полагает что автономность как главное качество личности западного человека имеет две разновидности, каждая из которых не является подлинным проявлением автономности.

The article is devoted to analysis of cultures foundations of the western civilization — life strategies, which peculiarity has determinate of whole culture western man. The author suppose, that the autonomy of western man has two states, which from everyone has not whole and authentic.

Введение

Проблема развития цивилизации, ее «пусковых механизмов», объясняющих зарождение, становление, расцвет, угасание, одним словом, цикл ее существования, остается актуальной и по сей день.

Свой вклад в исследование этой проблемы внесли выдающиеся умы человечества, начиная с платоновского «Государства» и аристотелевской «Политии», исследований и размышлений Вико, Гердера, Гегеля, Вундта, Данилевского, Шпенглера, М. Блока, Ле Гоффа, Ф. Броделя, Тойнби, Тоффлера, Фукуямы и многих достойных современных исследователей.

Охватить всех исследователей достаточно проблематично, но для наших целей ограничимся лишь теми, кто, на наш взгляд, концептуально содержательно проясняет движущие силы цивилизации.

Впервые понятие цивилизации стало широко употребляться в XVIII в. французскими просветителями. Многие из них были твердо убеждены, что цивилизация — это общество, основанное на разуме и справедливости.

В целом концепцию цивилизации достаточно ясно конструирует Ж.-Ж. Руссо. По его убеждению, животная природа человеческого существа регулируется разумом, который выражается в общественном договоре, иначе — Основном Законе, Конституции. Таким образом, цивилизация — это регуляция жизни человеческих существ посредством всеобщего Закона, которому обязаны подчиняться все люди.

Нетрудно понять, что характер всеобщей регуляции у Руссо имеет ту же природу, что и платоновская сверхчувственная идея, к которой должна стремиться разумная душа как к своему высшему благу.

Принципиально иную концепцию цивилизации разрабатывает И. Кант. Сверхчувственный, трансцендентальный всеобщий регулятор человеческого поведения им отвергается и заменяется внутренним императивным регулятором (нравственный долг).

Моральный закон как высшее благо является основанием цивилизации, считает И. Кант [3; 331].

Сравнив так называемые «регуляторы» в обеих концепциях, можно обнаружить уязвимость одной и силу другой. Например, как поведут себя люди, если «общественный договор» по тем или иным причинам перестанет регулировать социальную жизнь? Биологическая природа человека немедленно даст о себе знать и начнется беспредел, или традиция Закона окажется сильнее?

Внутренний нравственный регулятор будет сопротивляться социальной деструкции, поскольку это затрагивает нравственные устои каждой нравственной личности, или верх возьмет «врожденный эгоизм животного»?

Какая цивилизация в эпоху перемен окажется «устойчивее»: немецкая или французская?

Этот провокационный вопрос является скорее контекстуальным логическим следствием процедуры сравнения, нежели постановкой проблемы, но тем не менее он имеет смысл.

Отметим и общие основания обеих концепций: разумность действия человека.

Концепция цивилизации К. Маркса как бы объединяет обе эти концепции. Маркс вводит процесс взаимодействия (коммуникация) между людьми и природой, а также непосредственно между человеческими индивидуумами, причем «регулятором» у него выступает не внешний Закон, как у Руссо, и не внутренний нравственный долг, как у Канта, а естественный (а потому объективно-необходимый) процесс обмена, основополагающий трудовой процесс [5; 832].

Цивилизация есть процесс развития обмена между людьми и природой, по сути, производственный процесс, поскольку он жизненно важен для человека. И здесь, в концепции Маркса, важную роль играет разум человека, что объединяет ее с рассмотренными выше.

Рассмотрим все три концепции в условном динамическом аспекте. Попросту говоря, если выразить биосоциальную природу человеческого существа на условной масштабной линейке, где левый полюс с отрицательным знаком означает животное состояние, а правый полюс с положительным означает общественное и человеческое, и мысленно передвигать концептуальные «регуляторы», то можно представить следующее.

По Руссо: чем сильнее Закон, тем больше законности, тем крепче общество, и устойчивее социальная суть человека, и наоборот — чем слабее Закон, тем слабее общество и сильнее животное в человеческом существе.

По Канту: чем нравственнее человек, тем он человечнее, и соответственно человечнее общество, и наоборот, чем меньше нравственности, тем меньше человечности, и соответственно больше животного в обществе.

По Марксу: чем «больше» процесс обмена (производственный процесс), тем развитее общество, и соответственно, чем «меньше» процесс обмена, тем больше деградации и выше степень животного существа.

Без сомнения, жизнь цивилизаций отнюдь не мерная линейка, и все же исторический процесс демонстрирует завидное упорство животной человеческой природы.

В самом деле, ведь с усилением Закона люди не становятся законопослушнее; в своем стремлении к высокой нравственности (перфекционизм) люди не становятся человечнее; с развитием массового производства и информационных технологий общество и человек отнюдь не становятся лучше.

Вместе с тем следует отметить одно важное обстоятельство в сдерживании человеческой природы на которое указывает Кант, и которое, на наш взгляд, подчиняет индивидуальную волю общественным интересам.

Кант сравнивает два качества: природную склонность человека (жадность, эгоизм и т. п., то, в чем человек аморален по отношению к обществу) и практи-

ческий закон общественной жизни. Итог этого сравнения в общем плане таков: аморальность в конечном итоге ведет к уничтожению индивидов, мораль же оказывается для человека выгоднее, практичнее, так как только на этом общем для всех людей основании и можно реализовать искомое желание индивидуального счастья.

Природная обусловленность разума и автономия разума плюс созидательная деятельность составляют основу западной цивилизации в лице Руссо, Канта и Маркса.

Данные принципы выглядят для нас, современных людей, как итоги, результаты цивилизационного концептуализма, к которому ничего ни прибавить ни убавить. В то же время представляют интерес социокультурные и антропологические аспекты западного цивилизационного концептуализма, основы западного типа человека, их регулятивное влияние на цивилизацию.

1. Жизненные стратегии

По Марксу, способ, которым люди воспроизводят свое бытие, качественно отделяет нас от животных, иными словами, производство всех видов благ — материальных и духовных — делает нас людьми. Но животные тоже воспроизводят свое бытие, определенным способом добывают себе питание, защищаются при опасности, производят потомство и заботятся о нем, наконец, животные общаются.

Способ, каким воспроизводится бытие живых существ, есть жизненная стратегия.

Ее функциональное значение заключается в том, чтобы оптимизировать свою жизненную функцию (гомеостаз) в меняющихся условиях внешней среды.

Меняющиеся условия влияют на гомеостаз, вследствие чего происходит изменение равновесия обмена переменного: либо в сторону максимизации (интенсификация жизненных процессов, например, агрессия), либо в сторону минимизации (депривация жизненных процессов, например, спячка).

Жизненными стратегиями обладают микроорганизмы (вирусы, микробы, бактерии), рыбы, земноводные, птицы, млекопитающие, словом, все живые существа.

В поведенческом аспекте жизненную стратегию можно определить как определенное поведение в определенной ситуации.

В психофизиологическом аспекте жизненная стратегия определяется как определенная реакция на определенный стимул.

Отличие жизненных стратегий человеческого существа от жизненных стратегий животного в том, что последние генетически относительно статичны и адаптивны (из поколения в поколение воспроизводится типичная жизненная стратегия, например, паук плетет паутину для ловли насекомых), а человеческие — социально относительно динамичны и вариативны (например, человек может выбрать любую профессию, страну проживания, жену или мужа, наконец, делать то, что хочет).

На индивидуальном уровне, жизненная стратегия личности потенциально обладает функцией стремящейся к автономности (личность сама может спроектировать свой жизненный путь и достигать цели).

В основе жизненных стратегий человека лежат три группы потребностей: биологические (такие же, как у животных: питание, безопасность, потомство, забота, общение, время), социальные (статус, семья, признание, собственность), индивидуальные (развитие, совершенствование).

А. Маслоу дидактически разработал наглядную модель иерархии человеческих потребностей: от примитивных в основании до высокодуховных на вершине.

Принцип пирамиды потребностей А. Маслоу раскрывает, что степень вариативности и усложненности жизненных стратегий зависит от уровня потребностей: чем примитивней потребности, тем примитивней стратегии, и наоборот — чем выше (качественнее) потребности, тем «изоощреннее» стратегии.

Маслоу отмечал, что «Эмоциональная природа человека опирается на его низшую природу, нуждается в ней как в основе и терпит неудачу без этой основы. То есть для большинства человечества высшая природа человека недостижима без удовлетворения низшей природы как ее опоры» [4; 173].

Г. Маркузе в свою очередь весьма наглядно показал, что в массовом индустриальном обществе человеку достаточно обладать примитивным набором стратегий для оптимального функционального существования. Этот «набор» полностью обеспечивает его биологические потребности в обмен на навязанный ему способ бытия, в котором он находит пути своего развития и удовлетворения [6; 29-30].

Эта оптимизация тем не менее обеспечивает биосоциальный гомеостаз: средний (одномерный) человек — идеальный типаж современного общества, он не люмпен, не гений, не революционер и не преступник. Тем самым общество воспроизводит социальную стабильность, удовлетворяя основные биосоциальные потребности всех своих членов, которые довольны этим.

2. Стратегии и предписания

Чтобы раскрыть содержание жизненных стратегий, недостаточно указать их происхождение. Связь жизненных стратегий с потребностями человека функциональна, и, соответственно, это касается всех трех групп потребностей.

Если бы помимо биологического функционализма в обществе господствовал социальный, а в личности — индивидуальный функционализм, сбылась бы идея Платона, Лейбница, Гегеля — развитие общества завершилось бы созданием некоего статического механизма.

3. Фрейд прозорливо отметил, что если бы сознание человека выполняло лишь функцию точного и объективного регистратора событий, то человек не испытывал бы особых проблем [9; 114]. Но возможно, что и человек как таковой при этом перестал бы существовать.

Вместе с тем нельзя не согласиться с Дюркгеймом по поводу идеи общества — функции. Нельзя не согласиться и с психоаналитическим подходом по поводу дисфункций организма, в частности, их социальной природы.

Иными словами если на уровне биологии жизненные стратегии редко дают сбой (патологии), вследствие простоты и, следовательно, надежности (ход эволюционного процесса убеждает в этом, эволюция живого идет по простейшему пути, а не по пути усложнения, как человеческое общество), то на более высоком уровне — вследствие усложнения организации социальной жизни, дифференциации деятельности большого количества относительно автономных индивидуальных человеческих существ возникает функциональное искажение жизненных стратегий, то есть способов, при помощи которых люди существуют как люди.

Если прапрадед Леонардо да Винчи в качестве жизненной стратегии избрал хитрость, и она у него не выходит за рамки добродетели, то такая стратегия не нарушает социальных норм, а значит, и функций, она осуществляется в рамках этих норм, а значит, является позитивной.

Стратегия же, например Н. Макиавелли, современника Леонардо да Винчи, дисфункциональна, ведь если цель всегда оправдывает средства, то ради блага можно пойти на любые жертвы. При этом исчезают «рамки» добродетели, нормы превращаются в произвол (волюнтаризм). Благо становится достоянием невидимого правителя, средством управления обществом, из цели оно превращается в средство. В этом случае, как полагал Платон, у власти должен стоять мудрейший. Только он способен манипулировать целями и средствами и при этом не наломать дров.

«Довольствуйся малым» — стратегия легендарных античных мудрецов. Малое — это то, чего вполне достаточно, чтобы быть человеком.

«Деньги должны делать деньги. Денег никогда не может быть много» — стратегия жажды богатства эпохи индустриализма. Чтобы быть человеком, нужно иметь очень много денег.

Способ формирования, сохранения и передачи стратегий осуществляется посредством воспитания, в форме простых и доступных родительских директив (предписаний). Предписание представляет собой запрещение или разрешение на те или иные действия ребенка, служит регулятором его поведения. Прямые или косвенные предписания о том, что, когда, как и для чего делать, формируют жизненную стратегию ребенка и во многом определяют его жизненный путь.

Примечательно, как отмечают многие современные исследователи (в частности Э. Эриксон [11; 224-225]), что в формировании программы стратегии участвуют оба родителя: мать по природе разрешает или запрещает, отец оценивает.

Таким образом, через систему координат «Хорошо — Плохо; Нельзя — Можно» в детстве закрепляются базовые пространственно-временные (что, куда, когда), операциональные (как), морально-смысловые (зачем), эгоцентрические (кто) жизненные стратегии личности, выполняющие функцию воспроизводства последней как члена социума и как отдельного индивида, способного позаботиться о своей судьбе.

3. Предписания и Судьба

Здесь соприкасаются стратегии жизненного пути и представления о Судьбе. Жизненные стратегии и Судьба могут пересекаться, но нельзя их отождествлять. Жизненная стратегия представляет собой набор определенных действий, ведущих к определенному, предсказуемому результату. Судьба — непостижимая предопределенность событий и поступков человека.

В истории цивилизаций зачастую именно Судьба является предтечей формирования жизненных стратегий.

Рассмотрим вкратце эволюцию представлений о Судьбе в западноевропейском варианте.

В Древней Греции судьба персонифицирована и выступает первоначально в образе богини — женщины Мойры. Характер Мойры произволен и неопределен, темен, лишен индивидуальности. Часто Мойра представлялась в виде женщины с крыльями без лица, лик ее темен и страшен. Путник, встретивший Мойру, пытается угадать будущие события.

В эпоху полисного развития Судьба представляется как «доля», участь, удел, предел, отмеренность. Даже боги подвластны судьбе, у них своя доля, предел.

В поздней античности, на закате полисного мира, Судьба принимает вид Удачи, Случая — «тюхэ». Человек ожидает получить не то, что причитается по традиционному укладу, а то, что выпадет по законам азартной игры. Жизненный «оптимизм» порождается развитием азартных игр.

Судьба как «фатум» — тотальная предопределенность в римской цивилизации. От фатума не уйти, но он так же безличен, как в пору ранней античности Мойра. Судьбе безразличен конкретный человек. В эту пору расцветает астрология, гадания, как способы «заглянуть» в тайны предопределения.

В древнескандинавском мире Судьба также имеет женское обличье. Девы судьбы Филгья и Хамингья — крылатые хранительницы Удачи. Удачу можно получить при помощи тайных знаний: рун, заговоров, волшебных напитков и сейдра.

Поворот в представлениях о Судьбе происходит с установлением христианских традиций. Судьба теперь представляется как осмысленное действие божественного провидения. Провидение теперь не женского а мужского рода, оно олицетворяет Небесного Отца.

В эпоху Возрождения антропоцентрическая парадигма «переводит» Судьбу из небесного разряда в земной. Человек подобен Богу в своих замыслах и

творениях. Тайный замысел провидения может быть познан человеком посредством натуралистической магии.

В Новое время судьба сужается до сферы обывательских представлений. Отличные иллюстрации мещанских представлений о судьбе дают В. Зомбарт, Ж. ле Гофф, А. Я. Гуревич.

В век разума судьба «растворяется» в свободе и начинается индивидуальное «планирование» линии жизни.

Наконец, модернизм, а более всего постмодернизм вносит полную сумятицу в линию судьбы, и тогда в умах людей возникает плюралистический хаос, вносящий дезорганизацию в представления о судьбе. Даже вездесущая синергетика, являющаяся, видимо, позитивистским продуктом реакции на стимул методологического научного анархизма, не внесла какой-либо определенности, а еще более запутала существо проблемы развития.

Насколько необходима подобная определенность в отношении индивидуальной судьбы современного человека, демонстрируют современные СМИ: теле- и радиопередачи, газеты и журналы изобилуют гороскопами и разнообразными способами гаданий.

Более того, сама система СМИ взяла на себя выполнение судьбоносной функции, и весьма небезуспешно. По прозорливому прогнозу С. Лема, генератор идей, или современные технологии СМИ дают возможность получения ответов на любые вопросы, и в первую очередь о судьбе индивида.

Так в современности происходит обмирщение судьбы: от мистической трансцендентальности до технологической обыденности.

Таким образом, судьба — своего рода жизненная линия человека, в мистической форме изначально директивно предписывающая человеку его жизненный путь; затем, по мере осознания человеком этой «таинственной» связи, происходит поворот от трансцендентного к земному, и растворяясь в земных делах, судьба принимает форму директивной зависимости личности от социума, современных психотронных технологий.

Между тем судьба так и остается судьбой — «линией жизни», определяющей набором жизненных стратегий, ведущих человека, вооруженных этими стратегиями к вполне определенному результату. Не столь важно, определяется она «извне» либо «изнутри», важно одно — то, что она определяет, направляет жизнь как отдельного индивида, так и целых культур.

4. Социокультурная природа и формы жизненных стратегий

Жизненная стратегия — способ воспроизводства бытия живых существ. Человеческий способ бытия, или культура, помимо биогенетического программирования, дополняется социокультурной директивностью.

Социокультурная директивность выполняет функцию регулирования распределения социальной энергии посредством «манипулирования» тремя базовыми составляющими социокультурного субъекта:

1. Любви, заботы.
2. Разума, ответственности.
3. Радости, чувственности.

Чтобы быть человеком, необходимо воспроизводить через социокультурный опыт полноту всех трех составляющих личности как культурного существа. В этом заключается цель человека как существа культурного: любить, заботиться, понимать, чувствовать.

Другое дело, что социокультурный опыт людей может быть искажен неадекватными предписаниями, которые в свою очередь начинают воспроизводить неадекватные жизненные стратегии.

Дело заключается не в том, что, например, неадекватная стратегия (любой ценой) прямо соответствует предписанию, которое гласит каждый человек должен иметь цель и уметь достигать ее, а в том, что она не противоречит предписанию, которое не содержит прямых директив, каким приемлемым образом достигается цель.

Или предписание ложно, фальшиво, содержит в контексте скрытый замысел, который может иметь не одно, а сразу несколько значений, что неявно содержит провокацию как элемент негативной игры.

В этом случае фальшивые предписания, вторгаясь в жизнь людей, заражают, искажают (контаминируют) социокультурный опыт, превращая последний из блага во зло. Опыт тоталитарных культур тому подтверждение.

Критерий фальшивости и подлинности жизненных стратегий заключается в адекватности цели и средств в содержании самой жизненной стратегии. Принцип антропологической адекватности может быть сформулирован достаточно ясно и лаконично: цель человека — человек. Это означает, что для полноценного существования человеку жизненно необходимы любовь, забота, разум, ответственность, чувства, но не их суррогаты.

Иными словами, цель любви — любовь, цель заботы — забота, цель разума — разум, цель ответственности — ответственность, цель чувств — чувства. Здесь неуместно ставить вопрос: в чем, например, смысл заботы? Или: зачем мне о чем-то или о ком-то заботиться? Более значим вопрос о том, знаем ли мы, что такое любовь, забота, разум, ответственность, чувства, как об этом прозорливо спрашивал Ницше.

Фальшивые стратегии — интервенция искажений способа воспроизводства человеческого бытия. Искажение воздействует на социокультурный опыт посредством подмены целей средствами и формирует скрытый многозначный контекст, содержащий также фальшивые значения и смыслы.

«Благодаря» подмене мы можем воспринимать игру как любовь, контроль как заботу, подражание как собственный разум, агрессию и депрессию как истинные чувства.

Подмена связана с эксплуатацией, использованием человека как средства: тела, мыслей, чувств, поведения, и в целом жизни. Итог жизненного пути определяет в конечном итоге подлинность самобытия человека. Но если мы не знаем отличий, то можем воспринимать и фальшивость как подлинность.

5. Исторические магистрали западного сценария

Формирование жизненных стратегий западного мира идет путем их отбора как наиболее эффективных в плане выживаемости человеческой личности. Это обусловлено территориальными и демографическими факторами, которые в свою очередь влияли на скорость, интенсивность и экстенсивность коммуникативных межкультурных процессов.

Традиции и новаторство западной культуры мы рассматриваем как актуализации жизненных стратегий. Например, стабилизация социальной структуры древнего социума находит свое воплощение в триаде (элита, средний слой и плебс) и фиксируется социокультурными нормами (обычай, традиция, законодательство).

Динамика селекций жизненных стратегий осуществляется по мере интенсификации межкультурной коммуникации, то есть чем открытее культура, тем выше риск новаций в ней, выше степень трансформаций, в том числе и в социальной структуре. Чем свободнее страты, их жизненные стратегии, тем успешнее осуществляется процесс внутреннего изменения страты.

Соответственно, чем адаптивнее жизненные стратегии страт, тем неудачнее проходили процессы их внутреннего изменения (например, древнеегипетский, индийский варианты).

Факторы, влияющие и определяющие трансформации жизненных стратегий, могут быть как естественными (географическая, территориальная удаленность, изолированность), так и директивными (обычай, традиция). В обоих случаях речь может идти о формировании жизненных стратегий адаптивного, и в крайнем варианте — сверхадаптивного характера, препятствующих свободному коммуникативному процессу.

Интересно отметить характерную особенность так называемых стационарных культур. Носители этих культур, как правило, обладали чувственным национально-этническим характером, что выражалось в поэзии, эзотерике, политистических культах, магии (Древний Египет, Вавилон, современные архаические локальные культуры Севера и Юга).

Последние факторы напрямую связаны и отражают социокультурную структуру времени, то есть то, чем люди преимущественно заняты и на что уходит большая часть жизненной энергии.

Динамические же культуры, как правило, рационалистичны и более гибки в утилитаристском плане, меняя структуру времени и удельный вес ее элементов в сторону производительной деятельности или труда вытесняя эзотерику, культы, поэзию, искусство и магию (например, английский вариант).

Таким образом, по характеру становления жизненных стратегий, которые в последующем образуют то, что мы называем культурным сценарием, можно дать следующую классификацию западной культуры.

6. Стационарно-чувственный и динамическо-рациональный характер стратегий западноевропейской культуры

Стационарность прослеживается в той части европейского мира, который географически — территориально был либо удален, либо изолирован. Это кельтские народы (шотландские горцы, коренные ирландцы, северо-западные франки) и готы (испанцы, португалы).

Стационарность культивирует такие позитивные качества как верность, преданность, служение долгу, а также негативные, такие как расточительность, щедрость, гордость и бедность.

Во времена культурных трансформаций эти качества всегда выступали препятствием на пути новаций, что обрекало носителей этих стратегий на неудачи (конфликты, неприятие, миграции и даже вымирание).

В современной западной культуре почти не встречаются стратегии расточительности, щедрости, гордости и бедности. Но те страны, стационарный характер стратегий которых в древности нес на себе печать величия и национальной гордости, и поныне сохраняют издержки чувственности, избавиться от которых — значит устранить национальную традицию вместе с национальным характером. Таковы чувственные испанцы и португальцы, баски, горные шотландцы, горячие ирландцы и потомки д'Артаньяна из Гаскони.

Динамическая западная культура формируется на истоках древнего мира первоначально как способ выживания, преимущественно посредством ремесленно-торговой деятельности. Носителями торговых стратегий выступают финикийцы, этруски, карфагеняне, греки. Этрусский торговый сценарий «прорастает» в пришлых римлянах и они усваивают его. Римский же оказывает влияние на Флоренцию.

Торговые стратегии в чистом виде мы можем только идеализировать, тогда как на самом деле они смешаны со стратегиями пиратства, разбоя. В зависимости от обстоятельств применялись и те и другие. Разговоры о честной торговле времен золотого прошлого — не более чем идеализация.

Динамика жизненных стратегий Запада характеризуется экстенсивностью, например, посредством активной экспансионистской деятельности «героических разбойников». Сначала это были греки, затем римляне, которые оказали влияние

на Италию, Испанию, Галлию, Грецию, Германию, Англию, Африку и часть восточного мира. Затем, по мере упадка уже статической римской цивилизации, эстафета переходит к лангобардам, англам, саксам, франкам, норманнам.

Стратегии разбоя и торговли героических разбойников северо-западной Европы оказывают влияние на развитие предпринимательства в Англии, Германии, Венеции, Генуе. Причем характер этого предпринимательства носит напористую экспансионистскую окраску.

Чисто торговые стратегии идут из глубины веков от этрусков, через римлян к знаменитым флорентийцам. В самой западной Европе торговый сценарий идет от германских племен и далее распадается на несколько ветвей.

Одна ветвь: племена аллеманов влияют на швейцарцев, трудолюбивый, относительно изолированный, самостоятельный народ. Его качества впоследствии благотворно реализуются в кальвинистском варианте Реформации, пожалуй, самом жестком из всех трех европейских вариантов, которые помимо швейцарского включают английский и германский.

Кальвинизм укрепляет швейцарский торговый сценарий и делает его одним из самых успешных. Результаты его осуществления мы наблюдаем в жизни современной Швейцарии: более двухсот лет мирной торговли без войн, нейтралитет, банковская империя, торговля патентами выводят Швейцарию в ранг весьма благополучных и стабильных стран мира.

Другая ветвь: германские племена фризов, специализирующихся на торговле, влияют на голландцев и шотландцев, перенимающих у них этот эффективный опыт.

Торговый сценарий подкрепляется развитием торгово-правовой инфраструктуры: сделки, договоры, счетное искусство, бухгалтерия. Достаточно отметить английских правоведов, шотландских экономистов, итальянских банкиров и финансистов, а также первую биржу в Голландии, развитие торговых домов в Германии, складов, портов в Бельгии, судовой верфи в Голландии, Германии, Англии и т. д.

Торговый способ жизни имеет много преимуществ перед аграрным, поскольку позволяет быстрее накопить и обернуть средства без больших затрат, связанных с обработкой земли, выращиванием посевов, их уборкой, хранением урожая. Торговля становится своего рода инфраструктурой, связывающей деревню и город воедино, но вместе с тем и разрушающей силой для традиций и связанных с ними старых социальных структур.

У динамичных торговых народов процесс отбора (способности к торговле) совершался быстро и основательно. Примеры торгового отбора можно найти повсюду, где теряет вес, статус, средства, и в конечном итоге — авторитет и влияние земельная аристократия. (В России это явление (деградация дворян) происходило в середине XIX в. и весьма выразительно описано в пьесах А. Н. Островского).

В основании торговых стратегий проглядывает их биосоциальный контекст: во-первых, это телесность человека, воплотившаяся впоследствии в естественное право и право частной собственности; во-вторых — это разумность человека, воплотившаяся в развитии наук, образования и изобретательства; в-третьих — душа человека, ответственность за которую взял сам человек на свой страх и риск, не отбрасывая при этом веру в божественное провидение.

Все три компонента жизненных стратегий западного человека развивались как единое целое, и мы смело можем назвать эту целостность автономностью.

Автономность человека как ценности западной культуры выражается в ней как способ обладания человеком собой как телом, разумом и душой.

Сам способ есть культурно-исторический опыт жизни людей в обществе, принимающий нормативную форму. Так, телесность, вещественность есть материальная, правовая, политическая норма. Разумность есть интеллектуальная, правовая, политическая норма. Душа есть религиозная, социальная, моральная, правовая, политическая норма.

Обобщая жизненные стратегии в единый сценарий или своеобразную культурно-историческую комбинацию, можно сказать, что калейдоскоп западной культуры вращается вокруг основной ценности — человека, как автономного (самодеятельного, самодостаточного, самостоятельного) существа.

Рассмотренный нами пример формирования торгового сценария служит демонстрацией динамического характера западной культуры. Сама динамика внутренних и внешних изменений западной культуры имеет свой источник в формировании ценности, ядра, аккумулятора своего развития — человека, качеством которого является автономность.

Именно автономность человеческой личности и ее потребности служат источником набегов, завоеваний, географических открытий, авантюризма, торговли, изобретений, развития науки, образования, стремления к богатству, права и законности, недоверия к государственному контролю и его ограничения, частной собственности и человеческого достоинства, одним словом, источником всех элементов западной культуры, которые являются производными от человека автономного.

Вместе с тем мы рассматриваем подлинность этой автономности, и здесь возникает ряд проблем.

Прежде всего это проблема внутренней целостности и согласованности человеческого существа, ведь только эти факторы дают возможность реализации полноты человеческого самобытия.

Исторические магистрали развития жизненных стратегий западного человека раскрывают несколько иную картину, в частности, гипертрофию разума в ущерб любви, радости, чувственности.

Конечно, нельзя утверждать в западном сценарии абсолютную победу рационализма, при игнорировании и отказе от чувственности, любви, это было бы сильным преувеличением, но, тем не менее, можно утверждать о преобладании рационализма в формировании жизненных стратегий западного человека, его рациональном образе жизни и в целом рационалистической культуры.

В этом отношении мы полагаем, во-первых, что автономия как качество западного человека не является полной, и следовательно, подлинной, так как в ней преобладает рационализм с подавлением чувственности, радости, любви.

Во-вторых, автономность как господство разума сводится к деятельностной адекватности западного человека.

Эту форму связи Г. Гегель выразил в своей знаменитой формуле: «Каждый народ достоин своего правительства». Если преобразовать эту формулу в отношении адекватности, то получится следующее: чем адаптированнее народ к социокультурным предписаниям, тем адекватнее относительно данных предписаний протекает его жизнь в целом и жизнь отдельного индивидуума в частности. Таким образом, здесь крайне важно качество позитивных предписаний, ведь от них зависит направление развития общества: к благу или ко злу. Адекватность предписаниям выражается в следовании всеобщему благу (все зависят от всех), и во всеобщей ответственности по итогам индивидуальных дел (каждому — свое).

То есть в своей деятельности все ответственны перед всеми: народ перед правительством, правительство перед народом.

Адекватность проявляется и в трудовых директивах: «Труд делает свободным», «Труд есть способ развития и существования человека», «Труд есть общественное благо» и т. п.

В-третьих, западный мир не является целостным культурным образованием в форме некоего тотального рационалистического единства, и существует по крайней мере как два взаимодействующих между собой культурных мира, объединенных исторически христианством.

7. Разнородность и единство жизненных стратегий Запада

Западная культура лишь внешне, формально, представляется однородной. Содержательно она различается по расово-этническому фактору, природно-климатическим, географическим условиям, традиционной и религиозной специфике.

Но внешне представляется, что это не разнородность, а скорее этнокультурная, природная и инфраструктурная калейдоскопичность одного и того же способа жизни, и здесь мы легко попадаем впросак: Запад воспринимается нами как единый способ жизни.

Это ошибочное представление основано на установке советской идеологии в отношении всего «западного», построенного на культе наживы и успеха, идеологии, которая усиленно транслировалась и насаждалась в сознание советского человека, одурманенного идеалами равенства и братства.

Чтобы разобраться в различиях, рассмотрим общее направление развития западной рационалистической магистрали: Греция — Рим (Италия) — Франция — Англия — Германия — США. С ней соседствует два вида «парамагистрального рационализма»: Испания — Португалия — Латинская Америка с одной стороны, и скандинавский мир — с другой.

Данилевский и Шпенглер детально классифицировали мировые культуры и достаточно сходно сгруппировали западный мир по языковому признаку на два вида: романский и англо-саксонский.

По М. Веберу можно также выделить два мира, разделив их по признаку христианской специфики: католический и протестантский.

Объединяя обе классификации по религиозному и языковому основанию, мы получаем два мира: романский католический мир (Италия, Испания, Португалия, Латинская Америка) и англо-саксонский протестантский мир (Великобритания, Германия, Скандинавия (без Финляндии) и США).

В данной классификации следует учитывать, что западный мир определяется прежде всего культурными характеристиками, поэтому причислять к западному миру развитые и развивающиеся страны (Япония, Южная Корея, Тайвань), применяющие лишь элементы (экономические, политические) западной культуры, но не меняющие своих традиционных основ, методологически не вполне корректно.

Таким образом западный мир представлен двумя культурами: романской католической и англо-саксонской протестантской. Первая по характеру стационарно-чувственная, вторая — динамически-рациональная.

Выше мы уже упоминали о стационарно-чувственном характере локальной части западного мира, который обнаружил свою историческую и антропологическую неадекватность произошедшим переменам.

Эта неадекватность выражалась в тесной связи культуры с религиозными традициями, блокирующими перемены при помощи тех влиятельных институтов, которые менее всего были подвержены изменениям. Таким консервативным стационарным институтом выступала христианская католическая церковь, не допустившая в своей структуре ни внешних, ни внутренних реформ.

Католическая церковь сдерживала и контролировала телесный компонент человека, стимулировала и контролировала душевный компонент человека, а также сдерживала и контролировала развитие разумного компонента. Вот почему в романской католической части западного мира наука и образование

развиваются не так свободно, органично и взаимосвязанно, как на реформаторском Западе. По степени церковного влияния на культуру можно отметить, что инквизиция активно действовала в странах католического Запада вплоть до конца XVIII века — века Просвещения.

Подлинная автономия личности осуществляется в согласованности всех трех компонентов личности: тела, разума, души как в едином структурно-функциональном целом.

Церковь, как регулирующий институт, все же не способствовала формированию целостности личности, оказав мощное позитивное стимулирующее влияние на душевный компонент, сдерживая разумный и ограничивая телесный, тем самым сформировав специфический тип человека, качества которого функционально согласованы, но структурно рассогласованы.

Адаптация католического типа личности в романской культуре шла по линии сдерживания автономии разума и угнетения естественных, природных компонентов (аскетизм), поэтому активность личности в католической романской культуре осуществляется в диапазоне от сверхактивности (различные формы экстастики и экстаза, например, флагелляция) до покорности, с преимущественным исключением разумного контроля над реальностью (данная функция исторически принадлежала церкви, затем государству).

Близкие эмоционально-волевые характеристики имеет тип человека в православной славянской культуре.

Автономность человека в романской католической культуре проявлялась в осуществлении воли, выходящей за рамки церковно-государственного контроля. Эта форма автономии сродни бунту, а не разумному решению, основанному на расчете, скорее утопизм и революционаризм, чем продуманный план. Прекрасный литературный образ романско-католического типа личности дает Сервантес в «Дон Кихоте» в лице Дон Кихота Ламанчского и его оруженосца Санчо Пансы.

В недрах протестантской культуры оформился тип человека реалистичного, деятельного, полагающегося прежде всего на свой разум, и уже потом — на волю божественного провидения. Автономность этого типа человека преимущественно рациональна — это расчет и действие.

Игнорирование и подавление чувственности, как бессмысленное расходование индивидуальной энергии, экономит, освобождает и направляет ее прежде всего на созидание личной выгоды, пользы. Англо-саксонская протестантская культура — способ жизнедеятельности людей, отказавшихся и от трансцендентальной утопии рая небесного, и от идеи рая земного (если учесть, что Томас Мюнцер был одним из последних практиков данного типа утопизма).

Лишенная трансцендентальных иллюзий путем сознательного от них отказа, протестантская культура превратилась в скучную и непривлекательную, но весьма интенсивную и созидательную деятельность, формирующую особые стратегии структурирования времени. Обмирщение, демифологизация, разумный практицизм, утилитаризм и даже эгоизм сформировали деловой тип личности.

Таким образом, неоднородность западного мира состоит в сосуществовании двух жизненных стратегий, одна из которых по характеру стационарно-чувственная, другая — динамически-рациональная. Одна стабилизирует жизнь личности в обществе через внешнюю трансцендентальность (принадлежность души Богу), другая представляет собой выбор бытия личности как реализацию возможности самобытия через внутреннюю трансцендентальность (Бог внутри личности).

Адаптированность стационарно-чувственного типа личности в католической романской культуре заключается в сознательном подчинении его внутренней воли воле внешней (Бога и общества). Этому способствовали также нацио-

нально-этнические характеристики народов юго-западной Европы: эмоциональность, темперамент, чувственность.

Динамически-рациональный тип протестантской культуры реализуется в сознательном подчинении внешней воли своей внутренней воле, как практическое преобразование внешних обстоятельств в интересах своей личности, адаптации этих обстоятельств к личным нуждам. Этому также способствовал характер северных народов: сдержанность, холодность, терпеливость, выносливость, расчетливость.

Два западных варианта личности имеют разный характер автономности. Автономность как волевое подчинение обществу через волевое подчинение Богу в католической романской культуре, и автономность как сознательное подчинение Богу посредством выбора собственной судьбы в своих личных целях и интересах в протестантской англо-саксонской культуре.

Ни тот, ни другой вариант западной автономности не является подлинным, хотя каждый сам по себе адекватен относительно собственной культуры: свобода внутренней экспрессии романского католического типа подчинена ограничению и контролю внешней воли, это своего рода синтез внешней воли и внутренних чувств; свобода выбора англо-саксонского протестантского типа обусловлена ограничением собственных рациональных оснований, это культура практического разума, его господства и над внешней волей и над внутренними чувствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика. Соч. В 4 т. Т. 4. М., 1983.
2. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М.: Айрис пресс, 2004.
3. Кант И. Критика практического разума. Соч. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1975.
4. Маслоу А. К психологии бытия. М.: АСТ, 2001.
5. Маркс К. Капитал, т. III. Маркс К. Энгельс Ф. Собрание сочинений. М.: Политиздат, 1975.
6. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ; Ермак, 2003.
7. Платон. Государство // Соч. в 3 Т. М., Т. 3. 1971.
8. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор. Трактаты. М., 1969.
9. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Я и Оно. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001.
10. Эпоха Реформации. Европа. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2002.
11. Эрик Г. Эриксон. Детство и общество. СПб.: Речь, 2000.

*Андрей Леонидович АНИСИН —
доцент кафедры философии, истории,
социологии и экономики
Тюменского юридического института МВД России,
кандидат философских наук*

УДК 111.5; 130.12; 130.3

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОБОРНОСТИ ИЗ ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОБОРНОГО ЕДИНСТВА

АННОТАЦИЯ. Предметом статьи является концептуальная разработка понятия «соборность». Основой философского мышления о соборности является феноменологический анализ принципов духовного единства, при этом выясняются существенные характеристики и основания соборности. Сущность соборности раскрывается через следующие понятия: Любовь, Свобода, Личность, Жертвенность, Дар.